

Право в контексте новой исторической культуры

Борис ЛЕПЕШКО,
доктор
исторических
наук, кандидат
философских наук

Каждая новая историческая эпоха предполагает новое содержание исторической культуры. Разумеется, речь идет не о культуре как таковой, под которой понимается единство материальных и духовных результатов нашей деятельности, а о том, что именно история задает культуре тот контекст, благодаря которому мы и различаем типы последней, постигаем сущность культурного своеобразия эпохи, выстраиваем иерархию ценностей, определяемся с собственной идентичностью.

Скажем, способ мышления зависит от характера исторической эпохи самым непосредственным образом. В частности, эпоха, пережившая увлечение постмодернизмом, не может ограничиваться исключительно просветительскими идеалами, а способы и формы миропонимания в теократических обществах явно будут отличаться от тех, которые господствуют в атеистических времена. Как писал в одной из своих работ Эрих Фромм, «в XIX веке проблема состояла в том, что Бог мертв; в XX веке проблема в том, что мертв человек. В XIX бесчеловечность означала жестокость, в XX веке она означает шизоидное самоотчуждение» [1, с. 480].

Историческая культура обладает, в том числе, такой характеристикой, как выбор

идеала, более того, этот идеал носит сутобо исторический характер. Его суть определяет культурный фон эпохи, однако верно и обратное: эпоха определяет идеал. Например, в нынешнее время представители культуры предпочитают не апеллировать к знаковым фигурам недавнего прошлого. Культурный персонаж советских времен Павел Корчагин в качестве идеала молодежных движений сегодня большинством воспринимается как нонсенс, и вовсе не потому, что сам герой писателя Николая Островского нехорош. Как раз наоборот: он слишком ригористичен, слишком прямолинеен и тверд в убеждениях, а нынешняя эпоха требует иных героев, лишенных как идеализма, так и убежденности. Герои во многом определяют лицо эпохи. Так, для советского периода приоритетным был герой-воин, герой-солдат, герой-победитель в военном противостоянии. Характерно, что эта тенденция сохранилась и в современном белорусском обществе, где наибольшего признания удостоены те наши предшественники, которые отстояли мир, страну, с оружием в руках защищали Родину. С многочисленными оговорками то же самое можно сказать о дореволюционной эпохе (начало XX века), когда на первом плане были герои-реформаторы (Петр Столыпин), герои-философы (Владимир Соловьев), сонм героев-политиков, а еще псевдогерои вроде Григория Распутина и фрейлины Вырубовой.

Один из аспектов этой проблемы в свое время затрагивал и Ф. Достоевский в «Бесах»: любое смутное или переходное время рождает новых людей. Правда, писатель

ОБ АВТОРЕ

ЛЕПЕШКО Борис Михайлович.

Родился в 1955 году в городе Волковыске Гродненской области. В 1978 году окончил Гродненский университет имени Я. Купалы. Работал заведующим орготделом Гродненского горкома ЛКСМБ (1978–1980). В 1983–1985 годах – доцент Брестского строительного института. С 1985 по 1991 год – лектор Брестского горкома КПБ, инструктор, заместитель заведующего отделом, заведующий идеологическим отделом Брестского обкома КПБ. С 1991 по 1995 год – доцент Брестского госуниверситета имени А.С. Пушкина. В 1995–2000 годах – председатель совета по делам религий и национальностей Брестского облисполкома, в 2000–2005 годах – декан юридического факультета, в 2005–2007 годах – первый проректор Брестского госуниверситета. С 2007 года – профессор БрГУ имени А.С. Пушкина, профессор Опольского университета (Польша). Кандидат философских наук (1983), доктор исторических наук (2000), профессор философии (2001). Автор свыше 350 научных, литературных работ, статей. Среди них монографии, сборники публицистических работ, эссе, повести, статьи. Сфера научных интересов: логика, философия истории, методология познания.

квалифицировал их таким не совсем полнокорректным понятием, как «сволочь». Сволочь здесь – разрушители, люди, «не имеющие признака мысли», выражающие лишь смутное беспокойство и нетерпение. И это, отметим мы, тоже черта некой исторической культуры, во всяком случае, какого-то ее сегмента. «Какие-то Лямпины, Телятниковы, помещики Тентетниковы... поэты с направлением из столицы, поэты взамен направления и таланта в поддевках и смазных сапогах, майоры и полковники, смеющиеся над бессмысленностью своего звания и за лишний рубль готовые тотчас же снять свою шпагу и улизнуть в писаря на железную дорогу, генералы, перебежавшие в адвокаты, развитые посредники, развивающиеся купчики, бесчисленные семинаристы, женщины, изображающие собою женский вопрос, – все это вдруг взяло у нас полный верх...» [2, с. 6]. Но появление подобных персонажей – неизбежный процесс, поскольку он отражает потребности эпохи, нового нарождающегося общества вне зависимости от того, что это за потребности.

Между культурой и историей существует сложная взаимосвязь. Образно говоря, культура «питается» историей, но последняя – именно тот ингредиент, без которого первая теряет цвет, вес и плотность. Особенности культурной жизни обуславливают способы мышления, коммуникации, вносят изменения в языковую практику. И за всеми этими процессами можно усмотреть предание, характер прошлого, воплотившийся в традиции. Прошлое формирует ментальный код общества, его вербальную систему. Однако очевидно – ментальный код позволяет нам выделить в прошлом существенное и несущественное, отличительное и неотличительное. Причем принципиально то, что на каждом новом витке культурного строительства образуются новые типы взаимоотношений, и это связано как с нашим новым прочтением прошлого, его иными оценками, так и с содержательным полем самой современности.

Одной из принципиальных особенностей современной исторической культуры является процесс «вторжения права в процесс понимания прошлого». Так, во всяком случае, заявил на историческом конгрессе в Голландии в 2010 году немецкий историк

Й. Рюзен, с которым согласилось большинство присутствовавших [3, с. 27]. Между тем в отечественной традиции существовало и в определенной степени продолжает существовать некое пренебрежение правом среди историков, да и иных представителей гуманитарного (не правового) знания. В.О. Ключевский, задумываясь над этим фактом, в свое время оправдывался: «Не я виноват, что в русской истории мало обращаю внимания на право: меня приучила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права» [4, с. 424]. Б.Н. Чичерин, известнейший русский конституционалист, либерал, историк, готовивший для царя записку о задачах нового царствования (1881 год), так характеризовал эту проблему: «Если есть начало, которое в течение всей русской истории было в загоне, так это именно право. Поэтому оно имеет так мало корней в русском духе. Никто у нас не стоит за свои права и всякий готов ими поступиться. Ныне русское общество менее чем когда-либо расположено требовать себе прав. Можно предсказать, что если России суждено вступить на конституционный путь, то это будет лишь тогда, когда сама верховная власть увидит в этом общественную потребность и по собственному почину поведет ее к политической свободе» [5, с. 117]. Вспомним еще М.Н. Каткова, рассуждавшего на тему, «кто главнее», царь или закон.

Согласно современным (вторая половина XIX века) представлениям, «главнее» закон: именно ему отдают приоритет развитые государства Европы. Однако, по мнению известнейшего охранителя устоев, правда была как раз за царем. Причина очевидна: «Царь, по истинному о нем понятию, есть глава и душа царства. Но вы возразите мне, что душой государства должен быть закон. Закон необходим, достаточен, благотворен; но закон в хартиях и книгах есть мертвая буква: ибо сколько раз можно наблюдать в царствах, что закон в книге осуждает и наказывает преступление, а между тем преступление совершается и остается ненаказанным; закон в книге благоустроит общественные звания и дела, а между тем они расстраиваются. Закон, мертвый в книге, оживает в деяниях; а верховный государственный деятель и возбудитель подчиненных деятелей есть царь» [6, с. 118]. Несложно за-

метить схожесть взглядов у представителей столь разных направлений философской и исторической мысли, когда речь заходит о пренебрежении правом, констатации чрезвычайно настороженного отношения к нему. Право попросту не входило в контекст исторической культуры того периода. Но это – одна из особенностей исторической культуры второй половины XIX века, да и не только этого периода, применительно к отечественной действительности. Тот же Б.Н. Чичерин в цитируемой выше записке замечал, что «Древняя Русь, например, не понимала, как может быть поводом к судебному иску брань, не причиняющая ни личного, ни имущественного вреда». К слову, и сегодня среди историков не прослеживается широкого интереса к изучению права как элемента исторической культуры. Внимание (в аспекте изучения истории права, его сущности) уделяется разного рода реформам, характеру государственного устройства, словом, эмпирической цепи событий. Однако рассмотрение (и осмысление) роли права в контексте той или иной исторической культуры остается задачей на перспективу.

С этой точки зрения есть смысл проиллюстрировать, каким образом право становится важнейшим элементом современной исторической культуры. Обратимся к известному законодательному акту, принятому обеими палатами французского парламента в декабре 2011 – январе 2012 года. Как известно, французские законодатели ввели ответственность за отрицание геноцида армян со стороны Турецкой империи, которое наказывается одним годом заключения и 45 тысячами евро штрафа. Это более чем красноречиво подтверждает, что право является не просто мощным компонентом понимания исторического прошлого, но также и его защиты и даже интерпретации. Нельзя не заметить, насколько противоречиво данное решение. Скажем, критики действий французского правительства тут же заговорили о нарушении прав на свободу выражения мнений, отсутствии пропорциональности между преступлением и наказанием, посягательстве на компетенцию парламента и недостатке ясности в формулировке. И действительно, спор о том, где начинаются права одного человека (группы лиц, государства) и заканчиваются права

другого человека (группы лиц, государства), может быть бесконечным, как и полемика по поводу того, где заканчивается право и начинается, скажем, политика. В теоретическом плане провести такого рода водораздел затруднительно, часто невозможно. Но, оставив на время в стороне гносеологический аспект, стоит заметить, что сегодня многое «упирается» именно в историю. Как заявил один из руководителей известной организации «Репортеры без границ», «французский парламент не был уполномочен Конституцией определять исторический факт». Не был уполномочен, но определил.

В качестве другого примера уместно привести аргументацию услышанного спора заинтересованных лиц по поводу сути известного военного конфликта между Грузией и Россией, произошедшего несколько лет тому назад. Диспутант с грузинской стороны утверждал, что правда на стороне его страны, поскольку основополагающим принципом международного права является принцип территориальной целостности государства. Грузия, дескать, и защищала эту целостность всеми доступными ей средствами. В ответ представитель российской стороны апеллировал к праву наций на самоопределение как к основному, базовому принципу. Вот и республики, ранее входившие в состав Грузии, воспользовались этим фундаментальным правом, а Россия всего лишь встала на сторону «страдательной» стороны. Вопрос, таким образом, ставится в такую плоскость: есть ли, существует ли иерархия правовых актов, которая позволила бы принять сторону либо одной, либо другой стороны? Что по этому поводу гласит международное право? А оно не дает по этому поводу сколь-нибудь внятных и четких разъяснений. Казуистика юриспруденции и сегодня является ее сильнейшим и определяющим качеством. А в такой ситуации правым оказывается тот, кто сильнее, кто обладает большинством голосов в случае голосования по спорным вопросам, словом, кто имеет больший потенциал для защиты именно своей точки зрения.

Подтверждение этому нетрудно найти, обратившись к деятельности Международного суда в Гааге, которую меньше всего следует рассматривать как беспристрастный юридический процесс, поскольку в первую

очередь это процесс и исторический, и политический. В частности, суд дает оценку действиям государственных деятелей суверенных государств, которые защищали эту суверенность, опираясь на законы своей страны: вспомним судьбу Слободана Милошевича, последнего президента Югославии. Сегодня уже очевидны пристрастия суда. Проследив, кто является постоянным участником процессов, несложно предположить и будущих субъектов той или иной тяжбы.

А известнейший процесс по итогам Второй мировой войны в Нюрнберге, когда заслуженное наказание понесли фашистские палачи? Сегодня раздаются голоса, что он не был легитимным, поскольку победители осудили побежденных, и о какой беспристрастности можно говорить в этой ситуации? Более того, сами победители совершали поступки, которые вполне могли быть предметом отдельного судебного разбирательства. Скажем, налеты союзной авиации на немецкие города в последний период войны – кому и зачем были нужны столь чудовищные жертвы среди мирного населения? Да и события в Катыни – в этом же смысловом ряду.

Уже приведенные примеры свидетельствуют, что со второй половины XX века право не просто становится важнейшей характеристикой исторической культуры, но и начинает определять действия, направленные на вынесение оценок тем или иным событиям. Возьмем известный список граждан нашего государства, которым запрещен въезд в страны ЕС: это то же проявление стремления правовыми средствами решить политические, да и исторические проблемы. Потому что оценка событий, произошедших в Беларуси за последние 20 лет, – это оценка и значимости исторических изменений, и характера проводимых реформ, причем очень пристрастная, а прочтение сути событий чрезвычайно субъективное. Закономерно возникает вопрос: насколько правомерны такие попытки и чего можно ждать в дальнейшем от такого развития событий, такого понимания современной исторической культуры?

Причина обращения к праву как приоритетному инструменту понимания (и оценки) прошлого понятна: это желание придать

принимаемым решениям форму максимальной объективности, беспристрастности, отстраненности. С формальной стороны право выступает атрибутом подлинно демократических ценностей, которым априори чуждо банальное сведение счетов и преследование неких личных (групповых, клановых) целей. И даже если согласиться с тем, что авторами упомянутых проектов и действий руководят исключительно гуманные, либеральные порывы, мы должны констатировать, что право вовсе не может претендовать на роль некоего абсолютного третейского судьи во взаимоотношениях между идеологически точками зрения и представляющими их противоборствующими сторонами. Право лишь в очень ограниченных пределах может гарантировать исчерпывающий арбитраж в вопросах такого рода (политических, мировоззренческих и др.). Скажем, итоги Нюрнбергского процесса многими его сторонами оспариваются до сих пор и, надо признать, некоторые правовые основания для этого, как отмечалось, есть. Но вместе с тем для большинства участников было ясно: степень совершенных злодеяний столь беспрецедентна, что оценка могла быть только такой, какой она была. Причем важно и то, что решения Нюрнбергского трибунала до сих пор остаются основной правовой базой для нашего понимания феномена фашизма и соответствующего отношения к нему. Другими словами, общественное согласие по принципиальным вопросам большинства участников процесса есть необходимая предпосылка принятия тех решений, которые не будут дезавуированы потомками. Не буква закона, точнее, не только буква закона, но и его дух являются здесь приоритетными. Кстати, Николай Бердяев, размышляя в работе «Смысл истории» [7] о похожих процессах, утверждал, что закон, факт, объективный процесс могут считаться неким базисом, основанием наших мыслей. Но нельзя отрицать и наличие такого феномена в истории, как «душа». Что такое «закон» без «души»? Как будто развитие всегда прямолинейно, как будто его можно уложить в «прокрустово ложе» раз и навсегда определенных схем, как будто нет тайны там, где апеллируют к закону. Некоторые юристы-концептуалисты, между прочим, также не отрицают возможностей подобного подхода.

Попытки абсолютизировать право, представить его объективным методом, инструментом в руках тех, кто взял на себя столь тяжелую историческую ответственность, напоминают усилия Сизифа. Уже достаточно давно Томас Гоббс стремился придать праву черты геометрии, самой точной и беспристрастной среди наук, вслед за ним представители юридического позитивизма задались целью «вывести» право из среды гуманитарных наук с их всепобеждающей субъективностью, однако без видимых результатов. Иначе и быть не могло, потому что право – очень человеческая наука, абстрагируясь от личности судьи решение по тому или иному делу принять невозможно.

В средние века в Западной Европе происходили так называемые процессы ведьм. В той же Германии, как полагает немецкий историк И. Шерр, в течение XVI века по обвинению в ведовстве было сожжено и удушено ни много ни мало около 100 тысяч человек [8, с. 493]. «Немец все любит делать методично, – меланхолично замечает по этому поводу историк, – он и безумствует, если можно так выразиться, научным образом». Речь, как понимает читатель, идет о правовом механизме «сопровождения» процессов над ведьмами, последняя из которых по приговору суда была сожжена в 1782 году в Вюрцбурге. Ее обвинили и уличили в том, что посредством колдовства «она сделала ребенка хромым и заставила его выплевывать булавки». Немецкими юристами от инквизиции в ту пору был сочинен объем-

ный труд «Молот колдунов». Одна из частей этой книги предназначалась для судей и содержала наставления, как вести себя во время процесса, что инкриминировать ведьмам, здесь же разрешался и вопрос о подсудности. Конкретнее, колдовство должно было подпадать под юрисдикцию как светских, так и духовных судов, так как оно неотделимо от ереси. Заметим, что отечественная традиция, в основе которой лежало пренебрежение правом, никогда не знала примеров столь массового и беспрецедентно жестокого умерщвления людей, главным образом женщин, по приговору именно суда, даже со скидкой на то, что цифра казненных могла быть завышена. В этом смысле все разговоры о приоритете права, важности правового регулирования общественных отношений должны восприниматься с учетом конкретной исторической культуры и сопровождаться отсылками к ней.

Нельзя рассматривать в отрыве от конкретно-исторического анализа и многочисленные утверждения о том, что мы (постсоветские граждане) находимся вне правовой сферы, что правовое воспитание должно быть приоритетной национальной программой. Приехавший из Германии наш соотечественник, вспоминая свою жизнь в бывшем советском военном городке, откуда ему затем пришлось уехать по понятным причинам, сетовал на то, что в бытовом и правовом отношении наши граждане существенно отставали от немецких коллег. И мусор они бросали не туда, куда положено, и в качестве водителей были не так

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА»

74938 – ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ПОДПИСКА.

Стоимость: 1 мес. – 10000 руб., 3 мес. – 30000 руб., 6 мес. – 60000 руб.

749382 – ВЕДОМСТВЕННАЯ ПОДПИСКА.

Стоимость: 1 мес. – 25015 руб., 3 мес. – 75045 руб.,
6 мес. – 150090 руб. (включая НДС).

Идет подписка на журнал «Беларуская думка» на I полугодие 2013 года!

СТОИМОСТЬ ЖУРНАЛА ПО ПОДПИСКЕ – В 2 РАЗА НИЖЕ РОЗНИЧНОЙ

вежливы, как аборигены, словом, там – Европа, господство культуры, права, а у нас – азиатчина, бескультурье, наплевательское отношение к закону. И так было всегда, повторял он, во все века. Насчет отсталости не поспоришь, по некоторым параметрам она налицо. Но вот ведь парадокс – высокая правовая культура не помешала тем же европейцам тысячами и десятками тысяч жечь ни в чем не повинных людей не только в средние века: еще недавно фашисты на территории Беларуси бросали детей в колодцы, сжигали целые деревни. В поисках доказательств далеко ходить не надо, достаточно прочесть надписи на памятниках погибшим в прошлой войне. Да, по части юриспруденции мы, может, в чем-то и отстаем от правовых идеалов эпохи, но деревни на чужой территории все же не жгли, детей и стариков, женщин массово не уничтожали.

Конечно, не только наш народ получил столь страшные исторические травмы и не только мы озабочены тем, чтобы преодолеть их последствия максимально быстро и эффективно. Историки насчитывают более четырех десятков петиций к мировому сообществу, в основе которых лежит стремление привлечь внимание к той или иной национальной трагедии и сделать из нее те или иные выводы. Можно еще раз вспомнить многочисленные факты геноцида (к слову, Турция после упоминавшегося решения парламента Франции напомнила коллегам про резню, учиненную французскими солдатами в Алжире), этноцида, преступления уровня и характера Холокоста. Проблема породила множество общественных движений, которые ставят своей целью «отслеживание» исторической правды. Соответствующую комиссию учредили и россияне: ее задачей, как было заявлено, является отстаивание правды о Великой Отечественной войне. Историю стало модно «судить», апеллировать к ней в спорных случаях, и никого уже не удивляет, что, скажем, на территории Литвы в уголовном порядке преследуются люди, отрицающие советскую оккупацию этой страны.

Как бы то ни было, подобное понимание роли права, правовых коллизий в контексте современной исторической культуры можно назвать сложившимся. Из этого вытекает,

во-первых, возможность двойственного толкования права, манипулирования им в политических, идеологических целях – что отнюдь не умаляет важности правового инструментария в процессе познания, поиска истины, приближения к ней. Во-вторых, напрашивается вывод, что попытки формально «осудить» историю имеют все же объективную основу, то есть отражают стремление максимально беспристрастно решить тот или иной спорный вопрос. «Судят» историю не из академического интереса, а потому, что к этому есть объективные предпосылки. Это может быть ограниченность имеющихся знаний по тому или иному вопросу, их взаимоисключающие трактовки. Сюда бы надо добавить и осознание меняющегося характера исторической культуры, что тоже способствует процессу как «осуждения», так и «оправдания» прошлого. Однако характер этой объективности может быть серьезно искажен спекуляциями, в том числе и правового характера, в основе которых узко национально или идеологически понятая целесообразность. В-третьих, сложно говорить о специфических методах права, которые могли бы быть восприняты исторической наукой и использованы в целях углубления наших знаний, поскольку методы правовой науки большинством исследователей признаны как общие, общенаучные.

Но вот о специфической методологии правового характера говорить можно и нужно. Юристы-концептуалисты предложили свои варианты подходов к пониманию не только правовой, но и социальной действительности в целом.

История не только вариативна, она и неисчерпаема. Этот тезис, в правдивости которого ныне мало кто сомневается, дает возможности для выстраивания соответствующей исторической культуры, которая «определит» и наше понимание ценностей, и собственно процесс строительства национального государства. Иногда бывает и так, что первоначально формируется наше понимание особенностей, характеристик исторической культуры, а уже затем начинается процесс национального строительства. Так произошло, например, в Абхазии, где в 2007 году появилась научная работа под названием «Абхазы» [9], а затем, после известных трагических событий, началось

формирование национального государства. Первичной в этом процессе, таким образом, оказалась коллективная память, а конкретно те ее фрагменты, которые позволяют находить в прошлом особенности национального развития, востребованы именно в условиях данной исторической культуры. Коллективная память в этом случае предстает как социальный конструкт, как результат целенаправленных усилий и как массовое представление о прошлом на групповом уровне. Это есть живой процесс постоянного запоминания и забывания, но некоторые константы исторической (коллективной) памяти становятся значимой ценностью для общества и входят важнейшими составляющими в идентичность его членов [3, с. 16–17].

Возьмем сегодняшнюю Шотландию, где находящиеся у власти политики-националисты инициировали проведение референдума об отделении от Англии. Но что важно: дата референдума приурочена к юбилею битвы при Бэннокберне, в которой скотты под предводительством Роберта Брюса разгромили англичан и отстояли свою независимость. А это было в 1314 году. Конечно же, дата сей славной победы и до нынешних времен жила в памяти народа, но на первый план она вышла именно сейчас, в период политической борьбы за независимость страны. Иначе говоря, новая историческая культура «востребовала» те элементы исторической памяти, которые совпали с нынешним желанием части населения добиться независимости. Не правда ли, красноречивая иллюстрация единства истории и национальных интересов, единства прошлого, настоящего и будущего?

В полной мере сказанное можно отнести и к нашей национальной истории, нынешнему уровню исторической культуры и ее характеру. Например, несмотря на все попытки превратить «битву пад Воршай» в событие, равноценное победе скоттов над англичанами при Бэннокбэрне, этого все же не произошло, национальное сознание не приняло такой трактовки. И меньше всего здесь виновато насилие над этим сознанием, диктат государства, как иногда утверждается. Вообще, подобного рода процессы надо принимать как данность, как факт. Если общественное сознание нации не готово вос-

принимать в качестве праздника победу в той малоизвестной войне, то причина этого не в самом событии и даже не в субъективности историков, повествующих о нем с разной мерой таланта. Причина – в том сложном сплетении различных факторов, которое и называется исторической культурой.

А вот события XX века, напротив, живут в сознании нашего народа и постоянно репродуцируются в различных сферах и действиях как исторического, правового, так и культурного характера. Типичное следствие влияния данного пласта исторической памяти, данного типа исторической культуры – построение новых союзных структур, мощным фундаментом для которых служит то же историческое предание, общая историческая память. Да, в национальной истории могут быть и искусственные лакуны – скажем, в учебниках по истории США пропускаются целые периоды, например, связанные с войной во Вьетнаме. Однако важно понять и признать, что ничего случайного в этом нет. Историческую культуру можно «осуждать», ее можно «оправдывать», чем, собственно, и занимаются историки, философы, политологи разных стран и всех континентов, но чего нельзя сделать – так это превратить историческую культуру в малозначимый фетиш наших сознательных действий. Она обладает огромным эвристическим потенциалом и самостоятельной ролью – как в познавательном аспекте, так и в аспекте правовом. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм; пер. с англ. Т. Банкетовой. – М.: Хранитель, 2006. – 539 с.
2. Достоевский, Ф.М. Бесы / Ф.М. Достоевский // Собр. соч. в 12 т. – М.: Правда, 1982. – Т. 8–9.
3. Тишков, В.А. Новая историческая культура / В.А. Тишков. – М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та, 2011. – 60 с.
4. Ключевский, В.О. Сочинения: в 9 т. / В.О. Ключевский. – Т. 9. – М.: Мысль, 1990. – 525 с.
5. К.П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары: в 2 т. – Т. 1. – Минск: Харвест, 2003. – 448 с.
6. Катков, М.Н. Идеология охранительства / М.Н. Катков; сост., предисл. и коммент. Ю.В. Климаков; отв. ред. О. Платонов. – М.: Ин-т русской цивилизации, 2009. – 800 с.
7. Бердяев, Н. Смысл истории / Н. Бердяев. – М.: Мысль, 1990.
8. Шерр, И. Германия. История цивилизации за 2000 лет: в 2 т. / И. Шерр. – Т. 1. – Минск: МФЦП, 2005. – 544 стр.
9. Абхазы // Сибирь. Атлас Азиатской России. – М., 2007.